

Сентиментальное путешествие по Франции и Италии

Автор:

[Лоренс Стерн](#)

Сентиментальное путешествие по Франции и Италии

Лоренс Стерн

Творчество Лоренса Стерна, выдающегося романиста XVIII века, оказало огромное влияние на европейскую литературу. Его роман «Сентиментальное путешествие» завоевал любовь читателей всего мира и дал название целому литературному направлению. Пастор Йорик принимает решение отправиться путешествовать по Франции, «чтобы самому все увидеть», и увлекает читателя с собой. Его путеводные записки и любовные похождения никого не оставят равнодушным. Знаменитые преемники Стерна отмечали их неподражаемые иронию и юмор, парадоксальное сочетание благородства и мелочности, чувственности и скептицизма. Все это делает «Сентиментальное путешествие» бессмертной классикой, стоящей у истоков современного романа.

ЛОРЕНС СТЕРН

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ

– Во Франции, – сказал я, – это устроено лучше.

– А вы бывали во Франции? – спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом.

– «Странно, – сказал я себе, размышляя на эту тему, – что двадцать одна миля пути на корабле, – ведь от Дувра до Кале никак не дальше, – способна дать

человеку такие права. – Надо будет самому удостовериться». – Вот почему, прекратив спор, я отправился прямо домой, уложил полдюжины рубашек и пару черных шелковых штанов.

– Кафтан, – сказал я, взглянув на рукав, – и этот сойдет, – взял место в дуврской почтовой карете, и, так как пакетбот отошел на следующий день в девять утра, в три часа я уже сидел за обеденным столом перед фрикасе из цыпленка, столь неоспоримо во Франции, что, умри я в эту ночь от расстройства желудка, весь мир не мог бы приостановить действие Droits d'aubaine;[1 - В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. – Л. Стерн.] мои рубашки и черные шелковые штаны, чемодан и все прочее – достались бы французскому королю, – даже миниатюрный портрет, который я так давно ношу и хотел бы, как я часто говорил тебе, Элиза, унести с собой в могилу, даже его сорвали бы с моей шеи.

– Сутяга! Завладеть останками опрометчивого путешественника, которого заманили к себе на берег ваши подданные, – ей-богу, ваше величество, нехорошо так поступать! В особенности неприятно мне было бы тягаться с государем столь просвещенного и учтивого народа, столь прославленного своей рассудительностью и тонкими чувствами.

Но едва я вступил в ваши владения -

КАЛЕ

Пообедав и выпив за здоровье французского короля, чтобы убедить себя, что я не питаю к нему никакой неприязни, а, напротив, высоко чту его за человеколюбие, – я почувствовал себя выросшим на целый дюйм благодаря этому примирению.

– Нет, – сказал я, – Бурбоны совсем не жестоки; они могут заблуждаться, подобно другим людям, но в их крови есть нечто кроткое. – Признав это, я почувствовал на щеках более нежный румянец – более горячий и располагающий к дружбе, чем тот, что могло вызвать бургундское (по крайней

мере, то, которое я выпил, заплатив два ливра за бутылку).

– Праведный боже, – сказал я, отшвырнув ногой свой чемодан, – что же таится в мирских благах, если они так озлобляют наши души и постоянно ссорят насмерть столько добросердечных братьев-людей?

Когда человек живет со всеми в мире, насколько тогда тяжелейший из металлов легче перышка в его руке! Он достает кошелек и, держа его беспечно и небрежно, озирается кругом, точно отыскивая, с кем бы им поделиться. – Поступая так, я чувствовал, что в теле моем расширяется каждый сосуд – все артерии бьются в радостном согласии, а жизнедеятельная сила выполняет свою работу с таким малым трением, что это смутило бы самую сведущую в физике *precieuse*[2 - Жеманница (франц.)] во Франции: при всем своем материализме она едва ли назвала бы меня машиной —

– Я уверен, – сказал я себе, – что опроверг бы ее убеждения.

Появление этой мысли тотчас же вознесло естество мое на предельную для него высоту – если я только что примирился с внешним миром, то теперь пришел к согласию с самим собой —

– Будь я французским королем, – воскликнул я, – какая подходящая минута для сироты попросить у меня чемодан своего отца!

МОНАХ

КАЛЕ

Едва произнес я эти слова, как ко мне в комнату вошел бедный монах ордена святого Франциска с просьбой пожертвовать на его монастырь. Никому из нас не хочется обращать свои добродетели в игрушку случая – щедры ли мы, как другие бывают могущественны, – *sed non quo ad hanc*[3 - Но не в применении к данному случаю (лат.)] – или как бы там ни было, – ведь нет точно установленных правил приливов или отливов в нашем расположении духа; почем я знаю, может быть, они зависят от тех же причин, что влияют на морские

приливы и отливы, – для нас часто не было бы ничего зазорного, если бы дело обстояло таким образом; по крайней мере, что касается меня самого, то во многих случаях мне было бы гораздо приятнее, если бы обо мне говорили, будто «я действовал под влиянием луны, в чем нет ни греха, ни срама», чем если бы поступки мои почитались исключительно моим собственным делом, когда в них заключено столько и срама и греха.

– Но как бы там ни было, взглянув на монаха, я твердо решил не давать ему ни одного су; поэтому я опустил кошелек в карман – застегнул карман – приосанился и с важным видом подошел к монаху; боюсь, было что-то отталкивающее в моем взгляде: до сих пор образ этого человека стоит у меня перед глазами, в нем, я думаю, было нечто, заслуживавшее лучшего обращения.

Судя по остаткам его тонзуры, – от нее уцелело лишь несколько редких седых волос на висках, – монаху было лет семьдесят, – но по глазам, по горевшему в них огню, который приглушался, скорее, учтивостью, чем годами, ему нельзя было дать больше шестидесяти. – Истина, надо думать, лежала посередине. – Ему, вероятно, было шестьдесят пять; с этим согласовался и общий вид его лица, хотя, по-видимому, что-то положило на него преждевременные морщины.

Передо мной была одна из тех голов, какие часто можно увидеть на картинах Гвидо, – нежная, бледная – проникновенная, чуждая плоских мыслей откормленного самодовольного невежества, которое смотрит сверху вниз на землю, – она смотрела вперед, но так, точно взор ее был устремлен на нечто потустороннее. Каким образом досталась она монаху его ордена, ведает только небо, уронившее ее на монашеские плечи; но она подошла бы какому-нибудь брамину, и, попадись она мне на равнинах Индостана, я бы почтительно ей поклонился.

Прочее в его облике можно передать несколькими штрихами, и работа эта была бы под силу любому рисовальщику, потому что все сколько-нибудь изящное или грубое обязано было здесь исключительно характеру и выражению: то была худощавая, тщедушная фигура, ростом немного повыше среднего, если только особенность эта не скрадывалась легким наклоном вперед – но то была поза просителя; как она стоит теперь в моем воображении, фигура монаха больше выигрывала от этого, чем теряла.

Сделав три шага, вошедший ко мне монах остановился и, положив левую руку на грудь (в правой был у него тоненький белый посох, с которым он

путешествовал), – представился, когда я к нему подошел, вкратце рассказав о нуждах своего монастыря и о бедности ордена, – причем сделал он это с такой безыскусственной грацией, – и столько приниженности было в его взоре и во всем его облике – видно, я был зачарован, если все это на меня не подействовало —

Правильнее сказать, я заранее твердо решил не давать ему ни одного су.

МОНАХ

КАЛЕ

Совершенно верно, – сказал я в ответ на брошенный кверху взгляд, которым он закончил свою речь, – совершенно верно – и да поможет небо тем, у кого нет иной помощи, кроме мирского милосердия, запас которого, боюсь, слишком скуден, чтобы удовлетворить все те многочисленные громадные требования, которые ему ежечасно предъявляются.

Когда я произнес слова громадные требования, монах бросил беглый взгляд на рукав своего подрясника – я почувствовал всю силу этой апелляции. – Согласен, – сказал я, – грубая одежда, да и та одна на три года, вместе с постной пищей не бог весть что; и поистине достойно сожаления, что эти вещи, которые легко заработать в миру небольшим трудом, орден ваш хочет урвать из средств, являющихся собственностью хромых, слепых, престарелых и немощных – узник, простертый на земле и считающий снова и снова дни своих бедствий, тоже мечтает получить оттуда свою долю; все-таки, если бы вы принадлежали к ордену братьев милосердия, а не к ордену святого Франциска, то при всей моей бедности, – продолжал я, показывая на свой чемодан, – я с радостью, открыл бы его перед вами для выкупа какого-нибудь несчастного. – Монах поклонился мне. – Но из всех несчастных, – заключил я, – прежде всего имеют право на помощь, конечно, несчастные нашей собственной страны, а я оставил в беде тысячи людей на родном берегу. – Монах участливо кивнул головой, как бы говоря: без сомнения, горя довольно в каждом уголке земли так же, как и в нашем монастыре. – Но мы различаем, – сказал я, кладя ему руку на рукав в ответ на его немое оправдание, – мы различаем, добрый мой отец, тех, кто хочет есть только хлеб, заработанный своим трудом, от тех, кто ест хлеб других

людей, не имея в жизни иных целей, как только просуществовать в лени и невежестве ради Христа.

Бедный францисканец ничего не ответил; щеки его на мгновение покрыл лихорадочный румянец, но удержаться на них не мог. – Природа в нем, видно, утратила способность к негодованию; он его не выказал, – но, выронив свой посох, безропотно прижал к груди обе руки и удалился.

МОНАХ

КАЛЕ

Сердце мое упало, как только монах затворил за собою дверь. – Вздор! – с беззаботным видом проговорил я три раза подряд, – но это не подействовало: каждый произнесенный мною нелюбезный слог настойчиво возвращался в мое сознание. – Я понял, что имею право разве только отказать бедному францисканцу и что для обманувшегося в своих расчетах человека такого наказания достаточно и без добавления нелюбезных речей. – Я представил себе его седые волосы – его почтительная фигура как будто вновь вошла в мою комнату и кротко спросила: чем он меня оскорбил? – и почему я так обошелся с ним? – Я дал бы двадцать ливров адвокату. – Я вел себя очень дурно, – сказал я про себя, – но я ведь только начал свое путешествие и по дороге успею научиться лучшему обхождению

ДЕЗОБЛИЖАН

КАЛЕ

Когда человек недоволен собой, в этом есть, по крайней мере, та выгода, что его душевное состояние отлично подходит для заключения торговой сделки. А так как во Франции и в Италии нельзя путешествовать без коляски – и так как природа обыкновенно направляет нас как раз к той вещи, к которой мы больше всего приспособлены, то я вышел на каретный двор купить или нанять что-

нибудь подходящее для моей цели. Мне с первого же взгляда пришелся по вкусу один старый дезоближан[4 - Коляска, называемая так во Франции потому, что в ней может поместиться только один человек. - Л. Стерн.] в дальнем углу двора, так что я сразу же сел в него и, найдя его достаточно гармонирующим с моими чувствами, велел слуге позвать мосье Дессена,[5 - Мосье Дессен - лицо не вымышленное, он содержал в Кале гостиницу, называвшуюся «Hotel d'Angleterre», и пользовался большой популярностью среди проезжавших через Кале поклонников Стерна; в «Письмах русского путешественника» о нем упоминает Карамзин, посетивший Кале в 1790 г, по дороге из Парижа в Лондон. После смерти Стерна Дессен повесил в комнате, где тот останавливался, его портрет, а на двери написал большими буквами: «комната Стерна»; комната эта, естественно, привлекала множество путешественников; она еще сохранялась во времена Теккерея, который в ней ночевал. О популярности Стерна в конце XVIII в. свидетельствует следующий ответ Дессена на заданный ему в 1782 г. английским драматургом Фредериком Рейнольдсом вопрос, помнит ли он мосье Стерна: «Соотечественник ваш мосье Стерн был великий, да, великий человек, он и меня увековечил вместе с собой. Много денег заработал он своим сентиментальным путешествием - но я, я заработал на этом путешествии больше, чем он на всех своих путешествиях вместе, ха, ха!» Словом, одно лишь упоминание мосье Дессена в «Сентиментальном путешествии» сделало его одним из самых богатых людей в Кале.] хозяина гостиницы; - но мосье Дессен ушел к вечеру, и так как мне вовсе не хотелось встречаться с францисканцем, которого я увидел на противоположном конце двора разговаривающим с только что приехавшей в гостиницу дамой, - я задернул разделявшую нас тафтяную занавеску и, задумав описать мое путешествие, достал перо и чернила и написал к нему предисловие в дезоближане.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ДЕЗОБЛИЖАНЕ

Вероятно, не одним философом-перипатетиком[6 - Перипатетик - философ школы Аристотеля.] замечено было, что природа верховной своей властью ставит нашему недовольству известные границы и преграды; она этого достигает самым тихим и спокойным образом, исключив для нас почти всякую возможность наслаждаться нашими радостями и переносить наши страдания на чужбине. Только дома помещает она нас в благоприятную обстановку, где нам

есть с кем делить наше счастье и на кого перекладывать часть того бремени, которое везде и во все времена было слишком тяжелым для одной пары плеч. Правда, мы наделены несовершенной способностью простирать иногда наше счастье за поставленные ею границы; но вследствие незнания языков, недостатка связей и знакомств, а также благодаря различному воспитанию и различию обычаев и привычек, мы обыкновенно встречаем столько помех, желая поделиться нашими чувствами за пределами нашего круга, что часто желание наше оказывается вовсе неосуществимым.

Отсюда неизбежно следует, что баланс обмена чувствами всегда будет не в пользу попавшего на чужбину искателя приключений: ему приходится покупать то, в чем он мало нуждается, по цене, которую с него запрашивают, – разговор его редко принимается в обмен на тамошний без большой скидки – обстоятельство, кстати сказать, вечно побуждающее его обращаться к услугам более дешевых маклеров, чтобы завязать разговор, который он может вести, так что не требуется большой проницательности, чтобы догадаться, каково его общество —

Это приводит меня к существу моей темы, и здесь естественно будет (если только качанье дезоближана позволит мне продолжать) вникнуть как в действующие, так и в конечные причины путешествий.

Если праздные люди почему-либо покидают свою родину и отправляются за границу, то это объясняется одной из следующих общих причин:

Немощами тела,

Слабостью ума или

Непременной необходимостью.

Первые два подразделения охватывают всех путешественников по суше и по морю, снедаемых гордостью, тщеславием или сплином, с дальнейшими подразделениями и сочетаниями *in infinitum*. [7 - До бесконечности (лат.).]

Третье подразделение включает целую армию скитальцев-мучеников; в первую очередь тех путешественников, которые отправляются в дорогу с церковным напутствием или в качестве преступников, путешествующих под руководством

надзирателей, рекомендованных судьей, – или в качестве молодых джентльменов, сосланных жестокостью родителей или опекунов и путешествующих под руководством надзирателей, рекомендованных Оксфордом, Эбердином и Глазго.[8 - Оксфордом, Эбердином и Глазго – подразумевается: университетами, находящимися в этих городах.]

Существует еще четвертый разряд, но столь малочисленный, что не заслуживал бы обособления, если бы в задуманном мной труде не надо было соблюдать величайшую точность и тщательность во избежание путаницы. Люди, о которых я говорю, это те, что переплывают моря и по разным соображениям и под различными предложениями остаются в чужих землях с целью сбережения денег; но так как они могли бы также уберечь себя и других от множества ненужных хлопот, сберегая свои деньги дома, и так как мотивы их путешествия наименее сложны по сравнению с мотивами других видов эмигрантов, то я буду отличать этих господ, называя их

– Простодушными путешественниками.

Таким образом, весь круг путешественников можно свести к следующим главам:

Праздные путешественники,

Пытливые путешественники,

Лгущие путешественники,

Гордые путешественники,

Тщеславные путешественники,

Желчные путешественники. Затем следуют:

Путешественники поневоле,

Путешественник правонарушитель и преступник,

Несчастный и невинный путешественник,

Простодушный путешественник

и на последнем месте (с вашего позволения) Чувствительный путешественник (под ним я разумею самого себя), предпринявший путешествие (за описанием которого я теперь сижу) поневоле и вследствие *besoin de voyager*, [9 - Потребности путешествовать (франц.).] как и любой экземпляр этого подразделения.

При всем том, поскольку и путешествия и наблюдения мои будут совсем иного типа, чем у всех моих предшественников, я прекрасно знаю, что мог бы настаивать на отдельном уголке для меня одного, но я вторгся бы во владения тщеславного путешественника, если бы пожелал привлечь к себе внимание, не имея для того лучших оснований, чем простая новизна моей повозки.

Если читатель мой путешествовал, то, прилежно поразмыслив над сказанным, он и сам может определить свое место и положение в приведенном списке – это будет для него шагом к самопознанию: ведь по всей вероятности, он и по сей час сохраняет некоторый привкус и подобие того, чем он напился на чужбине и оттуда вывез.

Человек, впервые пересадивший бургундскую лозу на мыс Доброй Надежды (заметьте, что он был голландец), никогда не помышлял, что он будет пить на Капской земле такое же вино, какое эта самая лоза производила на горах Франции, – он был слишком флегматичен для этого; но он, несомненно, рассчитывал пить некую винную жидкость; а хорошую ли, плохую или посредственную, – он был достаточно опытен, чтобы понимать, что это от него не зависит, но успех его решен будет тем, что обычно зовется случаем; все-таки он надеялся на лучшее, и в этих надеждах, чрезмерно положившись на силу своих мозгов и глубину своего суждения, *Mynheer*, [10 - Господин (голл.).] по всей вероятности, своротил в своем новом винограднике то и другое и, явив свое убожество, стал посмешищем для своих близких.

Это самое случается с бедным путешественником, пускающимся под парусами и на почтовых в наиболее цивилизованные королевства земного шара в погоне за знаниями и опытностью.

Знания и опытность можно, конечно, приобрести, пустившись за ними под парусами и на почтовых, но полезные ли знания и действительную ли опытность,

все это дело случая, – и даже когда искатель приключений удачлив, приобретенный им капитал следует употреблять осмотрительно и с толком, если он хочет извлечь из него какую-нибудь пользу. – Но так как шансы на приобретение такого капитала и его полезное применение чрезвычайно ничтожны, то, я полагаю, мы поступим мудро, убедив себя, что можно прожить спокойно без чужеземных знаний и опытности, особенно если мы живем в стране, где нет ни малейшего недостатка ни в том, ни в другом. – В самом деле, очень и очень часто с сердечным сокрушением наблюдал я, сколько грязных дорог приходится истоптать пытливому путешественнику, чтобы полюбоваться зрелищами и посмотреть на открытия, которые все можно было бы увидеть, как говорил Санчо Панса Дон Кихоту, у себя дома, не замочив сапог. Мы живем в столь просвещенном веке, что едва ли в Европе найдется страна или уголок, лучи которых не перекрещивались и не смешивались бы друг с другом. – Знание, в большинстве своих отраслей и в большинстве жизненных положений, подобно музыке на итальянских улицах, которую можно слушать, не платя за это ни гроша. – Между тем нет страны под небом – и свидетель бог (перед судом которого я должен буду однажды предстать и держать ответ за эту книгу), что я говорю это без хвастовства, – нет страны под небом, которая изобиловала бы более разнообразной ученостью, – где заботливее ухаживали бы за науками и где лучше было бы обеспечено овладение ими, чем наша Англия, – где так поощряется и вскоре достигнет высокого развития искусство, – где так мало можно положиться на природу (взятую в целом) – и где, в довершение всего, больше остроумия и разнообразия характеров, способных дать пищу уму. – Так куда же вы направляетесь, дорогие соотечественники? —

– Мы хотим только осмотреть эту коляску, – отвечали они. – Ваш покорнейший слуга, – сказал я, выскакивая из дезоближана и снимая шляпу. – «Мы недоумевали, – сказал один из них, в котором я признал пытливого путешественника, – что может быть причиной ее движения. – Возбуждение, – отвечал я холодно, – вызванное писанием предисловия. – Никогда не слышал, – сказал другой, очевидно простодушный путешественник, – чтобы предисловие писали в дезоближане. – Оно вышло бы лучше, – отвечал я, – в визави.[11 - Визави – двухместная коляска с сиденьями, расположенными одно против другого.]

– Но так как англичанин путешествует не для того, чтобы видеть англичан, я отправился в свою комнату.

КАЛЕ

Я заметил, что, кроме меня, еще что-то затемняет коридор, по которому я шел; действительно, то был мосье Дессен, хозяин гостиницы, только что вернувшийся от вечерни и чрезвычайно учтиво следовавший за мной, со шляпой под мышкой, чтобы напомнить мне о необходимых покупках. Я дописался в дезоближане до того, что он мне порядком опротивел; когда же мосье Дессен заговорил о нем, пожав плечами, как о предмете совершенно для меня неподходящем, то у меня тотчас мелькнула мысль, что он, видно, принадлежит какому-нибудь невинному путешественнику, который по возвращении домой оставил его на попечение мосье Дессена, чтобы тот повыгоднее его сбыв. Четыре месяца прошло с тех пор, как он кончил свои скитанья по Европе в углу каретного двора мосье Дессена; с самого начала он выехал оттуда, лишь наспех поправленный, и хотя дважды разваливался на Мон-Сени,[12 - Мон-Сени - гора в Альпах на границе между Францией и Италией.] мало выиграл от своих приключений, - а всего меньше от многомесячного стоянья без призора в углу каретного двора мосье Дессена. Действительно, нельзя было много сказать в его пользу - но кое-что все-таки можно было; когда же довольно нескольких слов, чтобы выручить несчастного из беды, я ненавижу человека, который на них посягнется.

- Будь я хозяином этой гостиницы, - сказал я, прикоснувшись концом указательного пальца к груди мосье Дессена, - я непременно поставил бы себе делом чести избавиться от этого несчастного дезоближана - он стоит перед вами колыхающимся, упреком каждый раз, когда вы проходите мимо —

- Mon Dieu![13 - Боже мой! (франц.)] - отвечал мосье Дессен, - для меня это не представляет никакого интереса. - Кроме интереса, - сказал я, - который люди известного душевного склада, мосье Дессен, проявляют к собственным чувствам. Я убежден, что если вы принимаете невзгоды других так же близко к сердцу, как собственные, каждая дождливая ночь, - скрывайте, как вам угодно, - должна действовать угнетающе на ваше расположение духа. - Вы страдаете, мосье Дессен, не меньше, чем эта машина —

Я постоянно замечал, что когда в комплименте кислоты столько же, сколько сладости, то англичанин всегда затрудняется, принять его или пропустить мимо ушей; француз же - никогда; мосье Дессен поклонился мне.

– C'est bien vrai,[14 - Совершенно верно (франц.).] – сказал он. – Но в таком случае я только променял бы одно беспокойство на другое, и притом с убытком. Представьте, себе, милостивый государь, что я дал бы вам экипаж, который рассыплется на куски, прежде чем вы сделаете половину пути до Парижа, представьте себе, как бы я мучился, оставив о себе дурное впечатление у почтенного человека и отдавшись на милость, как мне пришлось бы, d'un homme d'esprit.[15 - Человека остроумного (франц.).]

Доза была отпущена в точности по моему рецепту, так что мне ничего не оставалось, как принять ее, – я вернул мосье Дессену поклон, и, оставив казуистику, мы вместе направились к его сараю осмотреть стоявшие там экипажи.

НА УЛИЦЕ

КАЛЕ

Как сильно мир должен быть проникнут духом вражды, если покупатель (хотя бы жалкой почтовой кареты), стоит ему только выйти с продавцом на улицу для окончательного сговора с ним, мгновенно приходит в такое состояние и смотрит на своего контрагента такими глазами, как если бы он направлялся с ним в укромный уголок Гайд-парка драться на дуэли. Что касается меня, то, плохо владея шпагой и никоим образом не будучи в силах состязаться с мосье Дессеном, я почувствовал, что все в голове моей завертелось, как это всегда случается в таких положениях. – Я пронизывал мосье Дессена взглядом, снова и снова – смотрел на него, идя с ним рядом, то в профиль, то en face – решил, что он похож на еврея, потом – на турка, возненавидел его парик – проклинал его на чем свет стоит – посылал его к черту —

– И все это загорелось в моем сердце из-за жалких трех или четырех луидоров, на которые он самое большее мог меня обсчитать? – Низкое чувство! – сказал я, отворачиваясь, как это невольно делает человек при внезапной смене душевных движений, – низкое, грубое чувство! Рука твоя занесена на каждого, и рука каждого занесена на тебя. – Избави боже! – сказала она, поднимая руку ко лбу, потому что, повернувшись, я оказался лицом к лицу с дамой, которую видел занятой разговором с монахом, – она незаметно шла за нами следом. – Конечно,

избави боже! – сказал я, предложив ей руку, – дама была в черных шелковых перчатках, открывавших только большой, указательный и средний пальцы, так что она без колебания приняла мою руку, – и повел ее к дверям сарая.

Мосье Дессен больше пятидесяти раз чертыхнулся, взясь с ключом, прежде чем заметил, что ключ не тот; мы с не меньшим нетерпением ждали, когда он откроет, и так внимательно наблюдали за его движениями, что я почти бессознательно продолжал держать руку своей спутницы; таким образом, когда мосье Дессен оставил нас, сказав, что вернется через пять минут, рука ее покоилась в моей, а лица наши обращены были к дверям сарая.

Пятиминутный разговор в подобном положении стоит пятивекового разговора, при котором лица собеседников обращены к улице: ведь в последнем случае он питается внешними предметами и происшествиями – когда же глаза ваши устремлены на пустое место, вы черпаете единственно из самого себя. Один миг молчания по уходе мосье Дессена был бы роковым в подобном положении: моя дама непременно повернулась бы – поэтому я начал разговор немедленно —

– Но каковы были мои искушения (ведь я пишу не для оправдания слабостей моего сердца во время этой поездки, а для того, чтобы дать в них отчет), – это следует описать с такой же простотой, с какой я их почувствовал.

ДВЕРИ САРАЯ

КАЛЕ

Я сказал читателю, что не пожелал выйти из дезоближана, так как увидел монаха, тихонько разговаривавшего с только что прибывшей в гостиницу дамой, – я сказал читателю правду; но я не сказал ему всей правды, ибо в такой же степени удержали меня внешность и осанка дамы, с которой разговаривал монах. В мозгу моем мелькнуло подозрение, не рассказывает ли он ей о случившемся; что-то как бы резнуло меня внутри – я бы предпочел, чтобы он оставался у себя в монастыре.

Когда сердце опережает рассудок, оно избавляет его от множества трудов – я уверен был, что дама принадлежит к существам высшего порядка, – однако я больше о ней не думал, а продолжал заниматься своим делом и написал предисловие.

При встрече с ней на улице первоначальное впечатление возобновилось; скромность и прямотушие, с которыми она подала мне руку, свидетельствуют, подумал я, о ее хорошем воспитании и здравомыслии; а идя с ней об руку, я чувствовал в ней приятную податливость, которая наполнила покоем все мое существо —

– Благостный боже, как было бы отрадно обойти кругом света рука об руку с таким созданием!

Я еще не видел ее лица – это было несущественно; ведь портрет его мгновенно был набросан; и задолго до того, как мы подошли к дверям сарая, Фантазия уже закончила всю голову, не нарадуясь тому, что она так хорошо подошла к ее богине, точно она достала ее со дна Тибра.[16 - Со дна Тибра – то есть как произведение античной скульптуры.] – Но ты обольщенная и обольстительная девчонка; хоть ты и обманываешь нас по семи раз на день своими картинами и образами, ты делаешь это с таким очаровательным искусством и так щедро уснащаешь свои картины ангелами света, что порывать с тобою стыдно.

Когда мы дошли до дверей сарая, дама отняла руку от лица и дала мне увидеть оригинал – то было лицо женщины лет двадцати шести, – чистое, прозрачно-смуглое – прелестное само по себе, без румян или пудры – оно не было безупречно красиво, но в нем заключалось нечто привлекавшее меня в моем тогдашнем состоянии сильнее, чем красота – оно было интересно; я вообразил себе на нем черты вдовства в тот его период, когда скорбь уже пошла на убыль, когда первые два пароксизма горя миновали и овдовевшая начинает тихо мириться со своей утратой, – но тысяча других бедствий могли провести такие же борозды; я пожелал узнать, что под ними кроется, и готов был спросить (если бы это позволил bon ton разговора, как в дни Ездры[17 - Ездра – еврейский ученый V в. до н. э., принимавший участие в составлении Библии и написавший для нее несколько книг.]): «Что с тобой? Почему ты так опечалена? Чем озабочен твой ум?»; – Словом, я почувствовал к ней расположение и решил тем или иным способом внести свою лепту учтивости – если не услужливости.

Таковы были мои искушения – и, очень склонный поддаться им, я был оставлен наедине с дамой, когда рука ее покоилась в моей, а лица наши придвинулись к дверям сарая ближе, чем было безусловно необходимо.

ДВЕРИ САРАЯ

КАЛЕ

– Право, прекрасная дама, – сказал я, чуточку приподнимая ее руку, – престранная это затея Фортуны: взять за руки двух совершенно незнакомых людей – разного пола и прибывших, может быть, с разных концов света – и в один миг поставить их в такое положение сердечной близости, которое вряд ли удалось бы создать для них самой Дружбе, хотя бы она его подготавливала целый месяц —

– И ваше замечание по этому поводу показывает, как сильно, мосье, она вас смутила своей проделкой —

Когда положение в точности соответствует нашим желаниям, ничто не бывает так некстати, как намек на создавшие его обстоятельства. – Вы благодарите Фортуну, – продолжала она, – и вы были правы – сердце это знало и осталось довольно; кто же, кроме английского философа, довел бы об этом до сведения мозга, чтобы тот отменил приговор сердца?

С этими словами она освободила свою руку, бросив на меня взгляд, в котором я увидел достаточно ясный комментарий к тексту.

Какую жалкую картину слабости моего сердца дам я, признавшись, что оно ощутило боль, которой не могли бы вызвать в нем более достойные поводы. – Я был глубоко огорчен тем, что лишился руки своей спутницы, и манера, какой она ее отняла, не проливая на мою рану ни вина, ни елея: никогда в жизни мне не было так тягостно сознание сделанной оплошности.

Однако истинно женское сердце недолго упивается торжеством, нанося такие поражения. Через несколько секунд она положила руку на обшлаг моего

кафтана, чтобы закончить свой ответ; словом, бог знает как это вышло, но только рука ее снова очутилась в моей.

- Ей нечего было добавить.

Я сейчас же начал придумывать другую тему для разговора с моей дамой, заключив из смысла и морали происшедшего, что я ошибся относительно ее характера; но когда она повернулась ко мне лицом, дух, оживлявший ее ответ, отлетел - мускулы больше не были напряжены, и я заметил то беспомощное выражение скорби, которое с первого взгляда пробудило во мне участие к ней - о, как грустно видеть такую жизнерадостность во власти горя! - Я от души пожалел ее, и хотя это может показаться довольно смешным зачерствелому сердцу - я способен был, не краснея, заключить ее в свои объятия и приласкать тут же на улице.

Биение крови в моих пальцах, прижавшихся к ее руке, поведало ей, что происходит во мне; она потупила глаза - на несколько мгновений воцарилось молчание.

Должно быть, в этот промежуток я сделал слабую попытку крепче сжать ее руку - так я заключаю по легкому движению, которое я ощутил на своей ладони - не то чтобы она намеревалась отнять свою руку - но она словно подумала об этом - и я неминуемо лишился бы ее вторично, не подскажи мне скорее инстинкт, чем разум, крайнего средства в этом опасном положении - держать ее нетвердо и так, точно я сам каждое мгновение готов ее выпустить; словом, дама моя стояла не шевелясь, пока не вернулся с ключом мосье Дессен; тем временем я принялся обдумывать, как бы мне изгладить дурное впечатление, наверно оставленное в ее сердце происшествием с монахом, в случае если он рассказал ей о нем.

ТАБАКЕРКА

КАЛЕ

Добрый старенький монах был всего в шести шагах от нас, когда я вдруг вспомнил о нем; он к нам приближался не совсем по прямой линии, словно был

не уверен, вправе ли он прервать нас или нет. – Однако, поравнявшись с нами, он остановился с самым радушным видом и поднес мне открытую роговую табакерку, которую держал в руке. – Отведайте из моей, – сказал я, доставая свою табакерку (она была у меня черепаховая) и кладя ее в руку монаха. – Табак отменный, – сказал он. – Так сделайте милость, – ответил я, – примите эту табакерку со всем ее содержимым и, когда будете брать из нее щепотку, вспоминайте иногда, что она поднесена была вам в знак примирения человеком, который когда-то грубо обошелся с вами, но зла к вам не питает.

Бедный монах покраснел как рак. – Mon Dieu! – сказал он, сжимая руки, – никогда вы не обращались со мной грубо. – По-моему, – сказала дама, – эта на него не похоже. – Теперь пришел мой черед покраснеть, а почему – предоставляю разобраться тем немногим, у кого есть к этому охота. – Простите, мадам, – возразил я, – я обошелся с ним крайне нелюбезно, не имея к тому никакого повода. – Не может быть, – сказала дама. – Боже мой! – воскликнул монах с горячностью, казалось, ему совсем несвойственной, – вина лежит всецело на мне; я был слишком навязчив со своим рвением. – Дама стала возражать, и я к ней присоединился, утверждая, что такой дисциплинированный ум никого не может оскорбить.

Я не знал, что спор способен оказать столь приятное и успокоительное действие на нервы, как я это испытал тогда. – Мы замолчали, не чувствуя и следа того нелепого возбуждения, которым вы бываете охвачены, когда в таких случаях по десяти минут смотрите друг другу в лицо, не произнося ни слова. Во время этой паузы монах старательно тер свою роговую табакерку о рукав подрясника, и, как только на ней появился от трения легкий блеск, – он низко мне поклонился и сказал, что было бы поздно разбирать, слабость ли или доброта душевная вовлекли нас в этот спор, – но как бы там ни было – он просит меня обменяться табакерками. Говоря это, он одной рукой поднес мне свою, а другой взял у меня мою; поцеловав ее, он спрятал у себя на груди – из глаз его струились целые потоки признательности – и распрощался.

Я храню эту табакерку наравне с предметами культа моей религии, чтобы она способствовала возвышению моих помыслов; по правде сказать, без нее я редко отправляюсь куда-нибудь; много раз вызывал я с ее помощью образ ее прежнего владельца, чтобы внести мир в свою душу среди мирской суеты; как я узнал впоследствии, он был весь в ее власти лет до сорока пяти, когда, не получив должного вознаграждения за какие-то военные заслуги и испытав в то же время разочарование в нежнейшей из страстей, он бросил сразу и меч и прекрасный

пол и нашел убежище не столько в монастыре своем, сколько в себе самом.

Грустно у меня на душе, ибо приходится добавить, что, когда я спросил о патере Лоренцо на обратном пути через Кале, мне ответили, что он умер месяца три тому назад и похоронен, по его желанию, не в монастыре, а на принадлежащем монастырю маленьком кладбище, в двух лье отсюда. Мне очень захотелось взглянуть, где его похоронили, – и вот, когда я вынул маленькую роговую табакерку, сидя на его могиле, и сорвал в головах у него два или три кустика крапивы, которым там было не место, это так сильно подействовало на мои чувства, что я залился горячими слезами, – но я слаб, как женщина, и прошу моих читателей не улыбаться, а пожалеть меня.

ДВЕРИ САРАЯ

КАЛЕ

Все это время я ни на секунду не выпускал руки моей дамы; я держал ее так долго, что было бы неприлично выпустить ее, не прижав сперва к губам. Когда я это сделал, кровь и оживление, сбжавшие с ее лица, потоком хлынули к нему снова.

Случилось, что в эту критическую минуту проходили мимо два путешественника, заговорившие со мной в каретном дворе; увидев наше обращение друг с другом, они, естественно, забрали себе в голову, что мы, – по крайней мере, муж и жена; вот почему, когда они остановились, подойдя к дверям сарая, один из них, а именно пытливый путешественник, спросил нас, не отправляемся ли мы завтра утром в Париж. – Я сказал, что могу ответить утвердительно только за себя, а дама прибавила, что она едет в Амьен. – Мы вчера там обедали, – сказал простодушный путешественник. – Ваша дорога в Париж проходит прямо через этот город, – прибавил его спутник. Я собирался было рассыпаться в благодарностях за сообщение, что Амьен лежит на дороге в Париж, но, вытащив роговую табакерку бедного монаха с целью взять из нее щепотку табаку, – я спокойно поклонился им и пожелал благополучно доехать до Дувра. – и они нас покинули.

– А что будет плохого, – сказал я себе, – если я попрошу эту удрученную горем даму занять половину моей кареты? – Какие великие беды могут от этого произойти?

Все грязные страсти и гадкие наклонности естества моего всполошились, когда я высказал это предположение. – Тебе придется тогда взять третью лошадь, – сказала Скупость, – и за это карман твой поплатится на двадцать ливров. – Ты не знаешь, кто она, – сказала Осмотрительность, – и в какие передряги может вовлечь тебя твоя затея, – шепнула Трусость.

– Можешь быть уверен, Йорик, – сказало Благоразумие, – что пойдет слух, будто ты отправился в поездку с любовницей и с этой целью сговорился встретиться с ней в Кале.

– После этого, – громко закричало Лицемерие, – тебе невозможно будет показаться в свете, – или сделать церковную карьеру, – прибавила Низость, – и быть чем-нибудь побольше паршивого пребендаря.[18 - Пребендарий – священник, получающий пребенду, то есть долю доходов в соборной церкви, за то, что он в установленное время совершает в ней службы и проповедует. Стерн был пребендарием Йоркского собора.]

– Но ведь этого требует вежливость, – сказал я, – и так как в поступках своих я обыкновенно руководюсь первым побуждением и редко прислушиваюсь к подобным наговорам, которые, насколько мне известно, способны только обратить сердце в камень, – то я мигом повернулся к даме —

– Но пока шла эта тяжба, она незаметно ускользнула и к тому времени, когда я принял решение, успела сделать по улице десять или двенадцать шагов; я поспешно бросился вдогонку, чтобы как-нибудь поискуснее сделать ей свое предложение; однако, заметив, что она идет, опершись щекой на ладонь и потупив в землю глаза – медленными, размеренными шагами человека, погруженного в раздумье, – я вдруг подумал, что и она обсуждает тот же вопрос. – Помоги ей, боже! – сказал я, – верно, у нее, как и у меня, есть какая-нибудь ханжа-тетка, свекровь или другая вздорная старуха, с которыми ей надо мысленно посоветоваться об этом деле. – Вот почему, не желая ей мешать и решив, что галантнее будет взять ее скромностью, а не натиском, я повернул назад и раза два прошелся перед дверями сарая, пока она продолжала свой путь, погруженная в размышления.

НА УЛИЦЕ

КАЛЕ

При первом же взгляде на даму решив в своем воображении, «что она существо высшего порядка», – и выставив затем вторую аксиому, столь же неоспоримую, как и первая, а именно, что она – вдова, удрученная горем, – я дальше не пошел: – я и так достаточно твердо занимал положение, которое мне нравилось – так что, пробудь она бок о бок со мной до полуночи, я остался бы верен своим догадкам и продолжал рассматривать ее единственно под углом этого общего представления.

Но не отошла она еще от меня и двадцати шагов, как что-то во мне стало требовать более подробных сведений – навело на мысль о предстоящей разлуке – может быть, никогда больше не придется ее увидеть – сердцу хочется сберечь, что можно; мне нужен был след, по которому желания мои могли бы найти путь к ней в случае, если бы мне не довелось больше с ней встретиться; словом, я желал узнать ее имя – ее фамилию – ее общественное положение; так как мне известно было, куда она едет, то захотелось узнать, откуда она приехала; но не было никакого способа подступиться к ней за всеми этими сведениями: деликатность воздвигала на пути сотню маленьких препятствий. Я строил множество различных планов. – Нечего было и думать о том, чтобы спросить ее прямо, – это было невозможно.

Бойкий французский офицерик, проходивший по улице приплясывая, показал мне, что это самое легкое дело на свете; действительно, проскользнув между нами как раз в ту минуту, когда дама возвращалась к дверям сарая, он сам мне представился и, не успев еще как следует отрекомендоваться, попросил меня сделать ему честь и представить его даме. – Я сам не был представлен, – тогда, повернувшись к ней, он сделал это самостоятельно, спросив ее, не из Парижа ли она приехала? – Нет; она едет по направлению к Парижу, – сказала дама. – *Vous n'etes pas de Londres?*[19 - Вы не из Лондона? (франц.).] – Нет, не из Лондона, – отвечала она. – В таком случае мадам прибыла через Фландрию. *Apparemment vous etes Flamande?*[20 - Очевидно, вы фламандка? (франц.).] – спросил французский офицер. – Дама ответила утвердительно. – *Peut-etre de Lisle?*[21 - Может быть, из Лилля? (франц.).] – продолжал он. – Она сказала, что не из

Лилля. – Так, может быть, из Арраса? – или из Камбре? – или из Гента? – или из Брюсселя? – Дама ответила, что она из Брюсселя.

Он имел честь, – сказал офицер, – находиться при бомбардировке этого города в последнюю войну. Брюссель прекрасно расположен *roug cela*[22 - Для этого (франц.).] и полон знати, когда имперцы[23 - Имперцы – австрийцы, в чьих руках находилась теперешняя Бельгия после Утрехтского мира (1713). Брюссель был занят французами во время войны за австрийское наследство (1740–1748).] вытеснены из него французами (дама сделала легкий реверанс); рассказав ей об этом деле и о своем участии в нем, – он попросил о чести узнать ее имя – и откланялся.

– *Et Madame a son mari?*[24 - Мадам замужем? (франц.).] – спросил он, оглянувшись, когда уже сделал два шага – и, не дожидаясь ответа, – понесся дальше своей танцующей походкой.

Даже если бы я семь лет обучался хорошим манерам, все равно я бы не способен был это проделать.

САРАЙ

КАЛЕ

Когда французский офицерик ушел, явился мосье Дессен с ключом от сарая в руке и тотчас впустил нас в свой склад повозок.

Первым предметом, бросившимся мне в глаза, когда мосье Дессен отворил двери, был другой старый ободранный дезоближан; но хотя он был точной копией того, что лишь час назад пришелся мне так по вкусу на каретном дворе, – теперь один его вид вызвал во мне неприятное ощущение; и я подумал, каким же скаредом был тот, кому впервые пришла в голову мысль соорудить такую штуку; не больше снисхождения оказал я человеку, у которого могла явиться мысль этой штукой воспользоваться.

Я заметил, что дама была столь же мало прельщена дезоближаном, как и я; поэтому мосье Дессен подвел нас к двум стоявшим рядом каретам и, рекомендуя их нашему вниманию, сказал, что они куплены были лордами А. и Б. для grand tour,[25 - Большое путешествие (франц.)] но дальше Парижа не побывали и, следовательно, во всех отношениях так же хороши, как и новые. – Они были слишком хороши, – почему я перешел к третьей карете, стоявшей позади, и сейчас же начал сговариваться о цене. – Но в ней едва ли поместятся двое, – сказал я, отворив дверцу и войдя в карету. – Будьте добры, мадам, – сказал мосье Дессен, предлагая руку, – войдите и вы. – Дама поколебалась с полсекунды и вошла; в это время слуга кивком подозвал мосье Дессена, и тот захлопнул за нами дверцу кареты и покинул нас.

САРАЙ

КАЛЕ

– C'est bien comique, это очень забавно, – сказала дама, улыбаясь при мысли, что уже второй раз мы остались наедине благодаря нелепому стечению случайностей. – C'est bien comique, – сказала она.

– Чтобы получилось совсем забавно, – сказал я, – не хватает только комичного употребления, которое сделала бы из этого французская галантность; сначала объясниться в любви, а затем предложить свою особу.

– В этом их сила, – возразила дама.

– Так, по крайней мере, принято думать, – а почему это случилось, – продолжал я, – не знаю, но, несомненно, французы стяжали славу людей, наиболее, понимающих в любви и наилучших волокит на свете; однако что касается меня, то я считаю их жалкими пачкунами и, право же, самыми дрянными стрелками, какие когда-либо испытывали терпение Купидона.

Надо же такое выдумать: объясняться в любви при помощи sentiments![26 - Чувств (франц.)]

– С таким же успехом я бы выдумал сшить изящный костюм из лоскутков. –
Объясниться – хлоп – с первого же взгляда признанием – значит подвергнуть
свое предложение и самих себя вместе с ним, со всеми pous и contres,[27 - «За»
и «против» (франц.).] суду холодного разума.

Дама внимательно слушала, словно ожидая, что я скажу еще.

– Возьмите, далее, во внимание, мадам, – продолжал я, – кладя свою ладонь на
ее руку —

Что серьезные люди ненавидят Любовь из-за самого ее имени —

Что люди себялюбивые ненавидят ее из уважения к самим себе —

Лицемеры – ради неба —

И что, поскольку все мы, и старые и молодые, в десять раз больше напуганы, чем
задеты, самым звуком этого слова —

Какую неосведомленность в этой области человеческих отношений
обнаруживает тот, кто дает слову сорваться со своих губ, когда не прошло еще,
по крайней мере, часа или двух с тех пор, как его молчание об этом предмете
стало мучительным. Ряд маленьких немых знаков внимания, не настолько
подчеркнутых, чтобы вызвать тревогу, – но и не настолько неопределенных,
чтобы быть неверно понятыми, – да время от времени нежный взгляд,
брошенный без слов или почти без слов, – оставляет Природе права хозяйки, и
она все обделает по своему вкусу. —

– В таком случае, – сказала, зардевшись, дама, – я вам торжественно объявляю,
что все это время вы объяснялись мне в любви.

САРАЙ

КАЛЕ

Мосье Дессен, вернувшись, чтобы выпустить нас из кареты, сообщил даме о прибытии в гостиницу графа Л., ее брата. Несмотря на все свое расположение к спутнице, не могу сказать, чтобы в глубине сердца я этому событию обрадовался – я не выдержал и признался ей в этом: ведь это гибельно, мадам, – сказал я, – для предложения, которое я собирался вам сделать. —

– Можете мне не говорить, что это было за предложение, – прервала она меня, кладя свою руку на обе мои. – Когда мужчина, милостивый государь мой, готовится сделать женщине любезное предложение, она обыкновенно заранее об этом догадывается. —

– Оружие это, – сказал я, – природа дала ей для самосохранения. – Но я думаю, – продолжала она, глядя мне в лицо, – мне нечего было опасаться – и, говоря откровенно, я решила принять ваше предложение. – Если бы я это сделала – (она минуточку помолчала), – то, думаю, ваши добрые чувства выманили бы у меня рассказ, после которого единственной опасной вещью в нашей поездке была бы жалость.

Говоря это, она позволила мне дважды поцеловать свою руку, после чего вышла из кареты с растроганным и опечаленным взором – и попрощалась со мной.

НА УЛИЦЕ

КАЛЕ

Никогда в жизни не случилось мне так быстро заключать сделку на двадцать гиней. Когда я лишился дамы, время потянулось для меня томительно-медленно; вот почему, зная, что теперь каждая минута будет равняться двум, пока я сам не приду в движение, – я немедленно заказал почтовых лошадей и направился в гостиницу.

– Господи! – сказал я, услышав, как городские часы пробили четыре, и вспомнив, что нахожусь в Кале всего лишь час с небольшим —

– Какой толстый том приключений может выйти из этого ничтожного клочка жизни у того, в чьем сердце на все находится отклик и кто, приглядываясь к каждой мелочи, которую помещают на пути его время и случай, не упускает ничего, чем он может со спокойной совестью завладеть —

– Из одного ничего не выйдет, выйдет – из другого – все равно – я сделаю пробу человеческой природы. – Вознаграждением мне служит самый мой труд – с меня довольно. – Удовольствие, доставляемое мне этим экспериментом, держало в состоянии бодрого напряжения мои чувства и лучшую часть моих жизненных сил, усыпляя в то же время их более изменную часть.

Жаль мне человека, который способен пройти от Дана до Вирсавии, восклицая: «Как все бесплодно кругом!» – ведь так оно и есть; таков весь свет для того, кто не хочет возделывать приносимых им плодов. Ручаюсь, – сказал я, весело хлопая в ладоши, – что, окажись я в пустыне, я непременно отыскал бы там что-нибудь способное пробудить во мне приятные чувства. – Если бы не нашлось ничего лучшего, я бы сосредоточил их на душистом мирте или отыскал меланхоличный кипарис. чтобы привязаться к нему – я бы вымаливал у них тень и дружески их благодарил за кров и защиту – я бы вырезал на них мое имя и поклялся, что они прекраснейшие деревья во всей пустыне; при увядании их листьев я научился бы горевать, и при их оживлении ликовал бы вместе с ними.

Ученый Смельфунгус[28 - Смельфунгус – Смоллет, чье путешествие по Франции и Италии вышло в 1766 г. В своем журнале «Critical Review» Смоллет неизменно проявлял враждебное отношение к Стерну, начиная с выхода первых томов «Тристрама Шенди» в 1760 г.] совершил путешествие из Булони в Париж – из Парижа в Рим – и так далее, – но он отправился в дорогу, страдая сплином и разлитием желчи, отчего каждый предмет, попадавшийся ему на пути, обесцвечивался или искажался. – Он написал отчет о своей поездке, но то был лишь отчет о его дрянном самочувствии.

Я встретил Смельфунгуса в большом портике Пантеона – он только что там побывал. – Да ведь это только огромная площадка для петушиных боев,[29 - Смотри «Путешествия С-а». – Л. Стерн.] – сказал он, – Хорошо, если вы не сказали чего-нибудь похуже о Венере Медицейской, – ответил я, так как, проезжая через Флоренцию, слышал, что он непристойно обругал богиню и обошелся с ней хуже, чем с уличной девкой, без малейшего к тому повода.

Я снова столкнулся со Смельфунгусом в Турине, когда он уже возвращался домой; он мог рассказать лишь печальную повесть о злоключениях, в которой «говорил о бедствиях на суше и на морях, о каннибалах, что едят друг друга: антропофагах»,[30 - «Говорил о бедствиях на суше и на морях...» – цитата из «Отелло» Шекспира, акт 1, сц. 3.] – на каждой станции, где он останавливался, с него живого сдирали кожу, его терзали и мучили хуже, чем святого Варфоломея. —

– Я расскажу об этом, – кричал Смельфунгус, – всему свету! – Лучше бы вы рассказали, – сказал я, – вашему врачу.

Мундунгус,[31 - Мундунгус – доктор Сэмюэль Шарп (1700–1778), лондонский хирург, выпустил в 1766 г. «Письма из Италии», которые Стерн имеет здесь в виду] обладатель огромного состояния, совершил длинное круговое путешествие: он проехал из Рима в Неаполь – из Неаполя в Венецию – из Венеции в Вену – в Дрезден, в Берлин, не будучи в состоянии рассказать ни об одном великодушном поступке, ни об одном приятном приключении; он ехал прямо вперед, не глядя ни направо, ни налево, чтобы ни Любовь, ни Жалость не совратили его с пути.

Мир им! – если они могут его найти; но само небо, хотя бы туда открыт был доступ людям такого душевного склада, не имело бы возможности его дать, – пусть даже все блаженные духи прилетели бы на крыльях любви приветствовать их прибытие, – и ничего не услышали бы души Смельфунгуса и Мундунгуса, кроме новых гимнов радости, новых восторгов любви и новых поздравлений с общим для всех их блаженством. – Мне их сердечно жаль: они не выработали никакой восприимчивости к нему; и хотя бы даже Смельфунгусу и Мундунгусу отведено было счастливейшее жилище на небесах, они чувствовали бы себя настолько далекими от счастья, что души Смельфунгуса и Мундунгуса веки вечные предавались бы там сокрушению.

МОНТРЕЙ

В дороге я потерял с задка кареты чемодан и дважды выходил под дождем, один раз увязнув по колена в грязи, чтобы помочь кучеру вновь привязать его, но все не мог понять, чего мне недостает. – Только по приезде в Монтрей, когда

хозяин гостиницы спросил, не нужен ли мне слуга, я вдруг сообразил, что мне недостает именно слуги.

– Слуга! До зарезу нужен, – сказал я. – Дело в том, мосье, – продолжал хозяин, – что здесь есть смышленный парень, который почел бы за большую честь служить у англичанина. – Но почему у англичанина предпочтительнее, чем у кого-нибудь другого? – Англичане так щедры, – сказал хозяин. – Голову отдам на отсечение, – сказал я про себя, – если мне не придется поплатиться за это лишним ливром сегодня же вечером. – Но они могут себе это позволить, – прибавил он. – За это выкладывай еще один ливр, – подумал я. – Не далее, как прошедшую ночь, – продолжал хозяин, – un Mylord Anglais presentait un ecu a la fille de chambre. – Tant pis pour Mademoiselle Jeanneton,[32 - Один английский милорд подарил экую горничной. – Тем хуже для мадемуазель Жаннетон (франц.).] – сказал я.

Жаннетон была хозяйской дочерью, и хозяин, подумав, что я не силен во французском, взял на себя смелость осведомить меня, что мне следовало сказать не tant pis, а tant mieux. – Tant mieux, toujours, Monsieur,[33 - Не «тем хуже», а «тем лучше». Тем лучше всегда, мосье (франц.).] – сказал он, – когда что-нибудь получаешь, tant pis – когда ничего не получаешь. – Да ведь это сводится к одному и тому же, – сказал я. – Pardonnez-moi,[34 - Извините (франц.).] – сказал хозяин.

Едва ли представится мне более подходящий случай раз-навсегда заметить, что поскольку tant pis и tant mieux являются двумя стержнями французского разговора, иностранцам перед приездом в Париж надо хорошенько освоиться с правильным их употреблением.

Один шустрый французский маркиз за столом у нашего посла спросил мистера Ю.,[35 - ...спросил мистера Ю., не он ли поэт К). – Стерн имеет в виду обод у английского посла в Париже лорда Гертфорда в начале мая 1764 г., на котором присутствовал он сам и известный английский философ и историк Давид Юм; один французский маркиз принял его за писателя Джона Юма, автора нашумевшей трагедии «Даглас» (1754).] не он ли поэт Ю. – Нет, – мягко ответил Ю. – Tant pis, – сказал маркиз.

– Это историк Ю., – сказал кто-то. – Tant mieux, – отозвался маркиз. – Мистер Ю., чудесной души человек, сердечно поблагодарил его за то и за другое.

Просветив меня на этот счет, хозяин кликнул Ла Флера[36 - Ла Флер – созданный драматургом Реньяром (1655–1709) тип ловкого, проницательного, но честного слуги; тип этот фигурирует во многих французских комедиях XVIII в. Слуга Стерна, получивший от него это прозвище, по-видимому, лицо не вымышленное; он сопровождал Стерна в течение всего путешествия по Франции и Италии, но остался во Франции; рассказ о путешествии Стерна с его слов появился в журнале «Еuropeen Magazine» за 1790 г. (Перевод этого рассказа помещен был в издававшемся Карамзиным «Вестнике Европы» за 1802 г.).] (так назывался молодой человек, о котором он мне говорил), – предварительно, впрочем, заметив, что он ничего не смеет сказать о его талантах – мосье лучше может судить, что ему подходит; но за преданность Ла Флера он готов поручиться всем своим состоянием.

Хозяин сказал это таким подкупающим тоном, что я решил сразу же покончить с занимавшим меня делом – и Ла Флер, который поджидал за дверью, затаив дыхание, как это доводилось в свой черед каждому из детей природы, вошел ко мне.

МОНТРЕЙ

Я способен с первого же взгляда почувствовать расположение к самым различным людям, в особенности когда какой-нибудь бедняк является предложить свои услуги такому бедняку, как я; зная за собой эту слабость, я всегда допускаю некоторое ограничение моего суждения – большее или меньшее, в зависимости от расположения духа и обстоятельств, – а также, могу добавить, пола особы, поступающей ко мне на службу.

Когда Ла Флер вошел в мою комнату и я мысленно выправил все, что могла преувеличить моя чувствительность, открытый взор и честное лицо парня сразу решили дело в его пользу; поэтому я сначала его понял, – а затем стал спрашивать, что он умеет. – Я обнаружу его таланты, – сказал я, – когда в них встретится надобность, – кроме того, француз – на все руки мастер.

Оказалось, что бедный Ла Флер единственно только и умеет, что бить в барабан да дудеть два-три марша на флейте. Я решил положиться на его дарования и должен сказать, что моя слабость никогда не подвергалась таким насмешкам со

стороны моей мудрости, как при этой попытке.

Как большинство французов, Ла Флер храбро начал свое «жизненное поприще», проведя в молодости несколько лет на службе. По окончании ее, удовлетворив свое тщеславие и найдя, что честь бить в барабан, по-видимому, заключает награду в себе самой, так как она не открывала ему никаких дальнейших путей к славе, – он удалился a ses terres[37 - В свои края (франц.)] и жил comme il plaisait a Dieu – то есть чем бог пошлет.

– Итак, – сказала Мудрость, – для своего путешествия по Франции и Италии ты нанял себе в слуги барабанщика! – Так что ж? – отвечал я. – Разве половина наших дворян не проделывает этого самого пути с каким-нибудь фетюком в качестве *compagnon de voyage*,[38 - Попутчика (франц.)] платя вдобавок и за черта, и за дьявола, и за всякую всячину? – когда человек способен выпутаться с помощью острого словца в таком неравном состязании, дела его вовсе не так плохи. – Ведь вы умеете делать еще что-нибудь, Ла Флер? – спросил я. – *Ou'oui*,[39 - О, да (франц.)] – он умеет шить гетры и немного играет на скрипке. – Bravo! – воскликнула Мудрость. – Я сам играю на виолончели, – сказал я, – мы отлично поладим. А умеете вы брить и оправлять немного парик, Ла Флер? – У него охота ко всему на свете. – Этого довольно для неба, – перебил я его, – а для меня так и подавно. – И вот, когда подоспел ужин и по одну сторону моего стула поместился резвый английский спаниель, а по другую – француз-слуга со всей той веселостью на лице, какую способна изобразить на наших лицах природа, – я от всей души остался доволен моей державой и думаю, что если бы монархи знали, чего они хотят, то и они были бы так же довольны, как я.

МОНТРЕЙ

Так как Ла Флер сопровождал меня в течение всего моего путешествия по Франции и Италии и будет не раз еще появляться на сцене, то я должен немного более расположить читателя в его пользу, сказав, что никогда движения сердца, обыкновенно определяющие мои поступки, не давали мне меньше поводов к раскаянию, чем в отношении этого парня, – то была самая прямая, любящая и простая душа, какой когда-либо приходилось тащиться по пятам за философом; хотя его выдающиеся дарования по части барабанного боя и шитья гетр оказались для меня довольно бесполезными, однако я был ежечасно

вознаграждаем веселостью его нрава – она возмещала все его недостатки. – Глаза его всегда давали мне поддержку во всех моих несчастиях и затруднениях, я чуть было не добавил – и его тоже; но Ла Флера ничем нельзя было пронять; в самом деле, какие бы невзгоды судьбы ни постигали его в наших странствиях: голод ли, жажда, холод или бессонные ночи, – по лицу его о них ничего нельзя было прочесть – он всегда был одинаков; таким образом, если я являюсь чуточку философом, как это время от времени внушает мне лукавый, – гордость моя этим званием бывает сильно задета, когда я размышляю, сколь многим обязан я жизнерадостной философии этого бедного парня, посрамившего меня и научившего высшей мудрости. При всем том у Ла Флера был легкий налет фатовства, – но фатовство это казалось с первого взгляда скорее природным, чем искусственным; и не прожил я с ним и трех дней в Париже, как убедился, что он вовсе не фат.

МОНТРЕЙ

Когда Ла Флер на следующее утро приступил к исполнению своих обязанностей, я вручил ему ключ от моего чемодана вместе с описью полдюжины рубашек и пары шелковых штанов и велел уложить все это в карету, а также распорядиться, чтоб запрягли лошадей, – и попросить хозяина принести счет.

– C'est un garçon de bonne fortune,[40 - Этот парень пользуется успехом у женщин (франц.).] – сказал хозяин, показывая в окно на полдюжину девиц, столпившихся вокруг Ла Флера и очень дружелюбно с ним прощавшихся, в то время как кучер выводил из конюшни лошадей. Ла Флер несколько раз поцеловал всем девицам руку, трижды вытер глаза и трижды пообещал привезти им всем из Рима отпущение грехов.

– Этому юношу, – сказал хозяин, – любит весь город, и едва ли в Монрее есть уголок, где не почувствуют его отсутствия. Единственное его несчастье в том, – продолжал хозяин, – что «он всегда влюблен». – От души этому рад, – сказал я, – это избавит меня от хлопот класть каждую ночь под подушку свои штаны. – Я сказал это в похвалу не столько Ла Флеру, сколько самому себе, потому что почти всю свою жизнь был влюблен то в одну, то в другую принцессу, и, надеюсь, так будет продолжаться до самой моей смерти, ибо твердо убежден в том, что если я сделаю когда-нибудь подлость, то это непременно случится в

промежуток между моими увлечениями; пока продолжается такое междуцарствие, сердце мое, как я заметил, всегда заперто на ключ, – я едва нахожу у себя шестипенсовик, чтобы подать нищему, и потому стараюсь как можно скорее выйти из этого состояния; когда же я снова воспламеняюсь, я снова – весь великодушие и доброта и охотно сделаю все на свете для кого-нибудь или с кем-нибудь, если только мне поручатся, что в этом не будет греха.

– Однако, говоря так, – я, понятно, восхваляю любовь, – а вовсе не себя.

ОТРЫВОК[41 - Отрывок. – Материал для этого отрывка и восклицание «О, Эрот!..» Стерн заимствовал из рассуждения греческого писателя II в. н. э. Лукиана «Как следует писать историю», где говорится об «еврипидомании» жителей города Абдеры, овладевшей ими после представления (ныне утраченной) трагедии Еврипида «Андромеда».]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В силу этого закона, конфискуются все вещи умерших во Франции иностранцев (за исключением швейцарцев и шотландцев), даже если при этом присутствовал наследник. Так как доход от этих случайных поступлений отдан на откуп, то изъятий ни для кого не делается. – Л. Стерн.

2

Жеманница (франц.).

3

Но не в применении к данному случаю (лат.).

4

Коляска, называемая так во Франции потому, что в ней может поместиться только один человек. – Л. Стерн.

5

Мосье Дессен – лицо не вымышленное, он содержал в Кале гостиницу, называвшуюся «Hotel d'Angleterre», и пользовался большой популярностью среди проезжавших через Кале поклонников Стерна; в сПисьмах русского путешественника» о нем упоминает Карамзин, посетивший Кале в 1790 г, по дороге из Парижа в Лондон. После смерти Стерна Дессен повесил в комнате, где тот останавливался, его портрет, а на двери написал большими буквами: «комната Стерна»; комната эта, естественно, привлекала множество путешественников; она еще сохранялась во времена Теккеря, который в ней ночевал. О популярности Стерна в конце XVIII в. свидетельствует следующий ответ Дессена на заданный ему в 1782 г. английским драматургом Фредериком Рейнольдсом вопрос, помнит ли он мосье Стерна: «Соотечественник ваш мосье Стерн был великий, да, великий человек, он и меня увековечил вместе с собой. Много денег заработал он своим сентиментальным путешествием – но я, я

заработал на этом путешествии больше, чем он на всех своих путешествиях вместе, ха, ха!» Словом, одно лишь упоминание мосье Дессена в «Сентиментальном путешествии» сделало его одним из самых богатых людей в Кале.

6

Перипатетик – философ школы Аристотеля.

7

До бесконечности (лат.).

8

Оксфордом, Эбердином и Глазго – подразумевается: университетами, находящимися в этих городах.

9

Потребности путешествовать (франц.).

10

Господин (голл.).

11

Визави – двухместная коляска с сиденьями, расположенными одно против другого.

12

Мон-Сени – гора в Альпах на границе между Францией и Италией.

13

Боже мой! (франц.).

14

Совершенно верно (франц.).

15

Человека остроумного (франц.).

16

Со дна Тибра – то есть как произведение античной скульптуры.

17

Ездра – еврейский ученый V в. до н. э., принимавший участие в составлении Библии и написавший для нее несколько книг.

18

Пребендарий – священник, получающий пребенду, то есть долю доходов в соборной церкви, за то, что он в установленное время совершает в ней службы и проповедует. Стерн был пребендарием Йоркского собора.

19

Вы не из Лондона? (франц.).

20

Очевидно, вы фламандка? (франц.).

21

Может быть, из Лилля? (франц.).

22

Для этого (франц.).

23

Имперцы – австрийцы, в чьих руках находилась теперешняя Бельгия после Утрехтского мира (1713). Брюссель был занят французами во время войны за австрийское наследство (1740–1748).

24

Мадам замужем? (франц.).

25

Большое путешествие (франц.).

26

Чувств (франц.).

27

«За» и «против» (франц.).

28

Смельфунгус – Смоллет, чье путешествие по Франции и Италии вышло в 1766 г. В своем журнале «Critical Review» Смоллет неизменно проявлял враждебное отношение к Стерну, начиная с выхода первых томов «Тристрама Шенди» в 1760 г.

29

Смотри «Путешествия С-а». – Л. Стерн.

30

«Говорил о бедствиях на суше и на морях...» – цитата из «Отелло» Шекспира, акт 1, сц. 3.

31

Мундунгус – доктор Сэмюэль Шарп (1700–1778), лондонский хирург, выпустил в 1766 г. «Письма из Италии», которые Стерн имеет здесь в виду

32

Один английский милорд подарил экую горничной. – Тем хуже для мадемуазель Жаннетон (франц.).

33

Не «тем хуже», а «тем лучше». Тем лучше всегда, мосье (франц.).

34

Извините (франц.).

35

...спросил мистера Ю., не он ли поэт К). – Стерн имеет в виду обод у английского посла в Париже лорда Гертфорда в начале мая 1764 г., на котором присутствовал он сам и известный английский философ и историк Давид Юм; один французский маркиз принял его за писателя Джона Юма, автора нашумевшей трагедии «Даглас» (1754).

36

Ла Флер – созданный драматургом Реньяром (1655–1709) тип ловкого, проницательного, но честного слуги; тип этот фигурирует во многих французских комедиях XVIII в. Слуга Стерна, получивший от него это прозвище, по-видимому, лицо не вымышленное; он сопровождал Стерна в течение всего путешествия по Франции и Италии, но остался во Франции; рассказ о путешествии Стерна с его слов появился в журнале «Europeen Magazine» за 1790 г. (Перевод этого рассказа помещен был в издававшемся Карамзиным «Вестнике Европы» за 1802 г.).

37

В свои края (франц.).

38

Попутчика (франц.).

39

О, да (франц.).

40

Этот парень пользуется успехом у женщин (франц.).

Отрывок. – Материал для этого отрывка и восклицание «О, Эрот!..» Стерн заимствовал из рассуждения греческого писателя II в. н. э. Лукиана «Как следует писать историю», где говорится об «еврипидомании» жителей города Абдеры, овладевшей ими после представления (ныне утраченной) трагедии Еврипида «Андромеда».

Купить: <https://tellnovel.com/lorens-stern/sentimentalnoe-puteshestvie-po-francii-i-italii-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)